

Фан Цзычэнь, заметив выражение его лица, весело рассмеялся:

— Да шучу я, шучу! Не настолько же я бессердечный отец, чтобы так подставлять собственного сына.

Чжао-гэр с облегчением выдохнул.

— Так ты уже придумал ему настоящее имя?

— Придумал, — кивнул Фан Цзычэнь. — Будем звать его Фан Ланьцзэ. Имя я взял из древних стихов: «Срываю лотос я, зайдя в поток... В Ланьцзэ душистых трав не перечечь. Кому в подарок принесу я их? Тому, кто в дальних землях ныне есть». Как тебе эти два иероглифа — Ланьцзэ?

— Фан Ланьцзэ... Ланьцзэ, Сяо Цзэ, — вдумчиво повторил Чжао-гэр. Имя звучало благородно и изысканно, и на этот раз он остался полностью доволен. — Очень красиво. Пусть будет так, как ты решил.

— Ну, он ведь не только мой сын, почему же всё решать мне? Если тебе не нравится, я могу подобрать другое, — предложил Цзычэнь.

Гуай-цзай, словно понимая, что речь идет о чем-то важном, поспешил вставить свое слово:

— Гуай-цзаю тоже нравится, как звучит!

Фан Цзычэнь лишь подразнил его:

— Да что ты понимаешь, кроме как пускать ветры? Тоже мне, ценитель прекрасного.

— А мне кажется, это имя ему очень подходит, — Чжао-гэр сразу встал на сторону сына. — Решено, остановимся на этом. Мне оно очень нравится.

На том и порешили.

Придя в город, Чжао-гэр покорно следовал за супругом. Фан Цзычэнь сам решал, что именно им нужно купить. Для кровяной колбасы требовалась свежая свиная кровь и кишки, и, опасаясь, что к полудню всё раскупят, он сразу потянул Чжао-гэра к мясному ряду.

— О, паренёк Фан пришел! Что на этот раз присмотрел? — крикнул владелец лавки, вскидывая

тяжелый тесак.

Юноша уже несколько раз покупал здесь мясо. Его статная фигура, светлая кожа и благородная манера держаться — редкость для городка Фуань — сразу запомнились мяснику.

— У вас еще остались кровь и кишки? — поинтересовался Фан Цзычэнь.

Подобную требуху обычно отдавали за бесценок. Деревенские бедняки, которым мясо было не по карману, часто покупали потроха, чтобы хоть как-то разнообразить скудный рацион. Горожане же такую еду не жаловали, а поскольку сегодня был не базарный день, товара оказалось в избытке.

Для начала Фан Цзычэнь решил взять всего по два цзиня — чисто на пробу, чтобы набить руку. Рис дома еще оставался, нужно было докупить лишь приправы. Чжао-гэр напомнил, что имбирь и арахис растут в огороде у тётушки Лю, и лучше купить у неё — выйдет на несколько монет дешевле, чем на рынке.

Цзычэнь не привык мелочиться из-за пары грошей, но, рассудив, что не стоит отдавать прибыль чужим людям, согласился с бережливым супругом. Закупив специи и — под робким, но красноречивым взглядом Чжао-гэра — еще и свежих булочек с танхулу для малыша, семейство отправилось в обратный путь.

Больше всех прогулкой были довольны Фан Цзычэнь и Гуай-цзай. Чжао-гэр, еще утром горевавший из-за нехватки серебра, теперь беспокоился о другом: Цзычэнь, казалось, слишком уж баловал сына. Малыш никогда ничего не выпрашивал, лишь задерживал взгляд на ярких безделушках, но Фан Цзычэнь скупал всё подряд. Теперь добрая половина корзины была забита сладостями и игрушками.

— В следующий раз не траться так, — не выдержал Чжао-гэр, привыкший к суровой экономии. — Главное, чтобы еда на столе была. Зачем покупать все эти пустяки? Ими не наешься, только серебро на ветер.

— Я ведь не только для него покупал, — возразил Цзычэнь. — Ты тоже ешь. Тут всё сладкое, тебе должно понравиться.

Он прекрасно помнил, с каким удовольствием Чжао-гэр лакомился десертами, которыми их угостил управляющий Ян — ел крошечными кусочками, словно стараясь растянуть удовольствие.

Чжао-гэр, словно вспомнив об этом, смущенно пробормотал:

— Я... я не особо люблю сладкое.

— Кто врёт, тот маленький щенок.

Чжао-гэр:

«...»

— Купили и купили, не так уж много мы и потратили. Мне просто хотелось порадовать тебя, — Фан Цзычэнь перехватил его руку, крепко сжимая пальцы. Ощукая кожей тепло его ладони, он тихо продолжил: — Я хочу, чтобы ты и Гуай-цзай не просто были сыты и одеты. Я хочу, чтобы ты жил без забот и радовался каждому дню, чтобы мог получить всё, чего пожелаешь. Возможно, это говорит во мне мужская гордость, но я не вынесу, если ты будешь чувствовать себя обделенным ради каждой монетки. Пусть сам я буду голодать, но тебе я постараюсь дать всё самое лучшее.

Чжао-гэр невольно замедлил шаг. Полуденное солнце припекало, но сейчас ему казалось, что тепла в этом мире стало в разы больше. Фан Цзычэнь стоял в золотистых лучах, обнимая Гуай-цзая, и смотрел на него с мягкой, сияющей улыбкой. Он был таким красивым и ослепительно ярким, что дух захватывало. А малыш, обхватив отца за шею, весело звал своего папу.

В этот миг сердце супруга переполнилось нежностью. Он был несказанно счастлив, но в глазах почему-то предательски защипало от слез.

Цзычэнь не впервые говорил такие теплые, согревающие душу слова, и Чжао-гэр не впервые их слышал, но каждый раз стоило мужу ласково приободрить его, как вся его защита рушилась, и он сдавался без боя. Он был совершенно безоружен перед подобными признаниями и готов был слушать их вечно.

Для приготовления колбасы требовался вареный рис, измельченная в муку кукуруза, обжаренный арахис, немного имбиря для аромата и соль. При желании можно было добавить и другие ингредиенты, но сейчас им приходилось обходиться малым — сказывалась бедность.

Едва переступив порог, Чжао-гэр сразу поставил рис на огонь. Фан Цзычэнь не стал сидеть без дела и решил помочь с промывкой кишок. Однако стоило ему вытащить требуху из корзины, как в нос ударил такой резкий, тошнотворный запах, что беднягу тут же скрутило в позывах. Чжао-гэр, видя его мучения и понимая, что этот изнеженный «молодой господин» в жизни не справится с такой грязной работой, сжалился:

— Иди лучше к тётушке Лю за арахисом и имбирем, а я сам здесь всё приберу.

Фан Цзычэнь, чья голова уже шла кругом от зловония, поспешно отступил на несколько шагов:

— Чжао-гэр, клянусь, я люблю тебя всем сердцем, но это героическое задание я доверяю тебе! Вынужден откланяться!

Подхватив Гуай-цзая, он пулей вылетел из кухни и скрылся из виду прежде, чем муж успел что-то возразить. Чжао-гэр лишь обреченно, но ласково улыбнулся ему вслед.

Вся семья дяди Лю была дома. Узнав, что соседу нужен арахис, тётушка Лю сразу поспешила в кладовую. Она выращивала его совсем немного — урожайность была низкой, да и продать его было трудно, так что сажали по чуть-чуть, только чтобы дядя Лю мог закусить во время выпивки.

Когда Фан Цзычэнь попросил взвесить один цзинь и потянулся за кошельком, тётушка Лю его остановила:

— Забирай так! Не нужно денег.

Цзычэнь опешил:

— Ну как же так можно?

Семья Лю сама едва сводила концы с концами, и он не собирался наживаться на их доброте.

— Ты на днях оказал нам огромную услугу, — отрезала тётушка Лю. — Что такое горсть арахиса по сравнению с этим? Захочется еще — просто приходи и бери.

Она имела в виду помощь со сбытом овощей, хотя юноша не считал это чем-то особенным — просто замолвил словечко. Но раз соседка настаивала, дальнейшие споры могли показаться проявлением холодности.

— В таком случае, премного благодарен. Но мне бы еще немного имбиря.

— Так сходи в огород да выкопай, — Чжоу-гэр уже вооружился мотыгой. — Пойдем, я помогу.

Фан Цзычэнь, не упустив возможности съязвить и ни капли не смутившись, добавил:

— Ну, раз вы так добры, то одного цзиня будет вполне достаточно.

Чжоу-гэр:

«...»

Старики Лю едва сдержали смешок от такой непосредственности.

— Хорошо, я выкопаю и сам занесу тебе, — улыбнулся Чжоу-гэр.

Фан Цзычэнь собрался домой. Гуай-цзай, увлеченно игравший с Лю-лю, тут же бросился за отцом. Малыш был очень прилежным и еще дома грозился во всем помогать. Правда, на кухне от него толку было мало — он разве что мог присмотреть за огнем или помыть овощи. Несколько дней назад Чжао-гэр попросил купить новый котел, и Цзычэнь очень удивился: как это старый так быстро прохудился? Выяснилось, что когда Чжао-гэр ушел кормить кур, Гуай-цзай решил помочь: вскарабкался на скамеечку и принялся «жарить еду», да с таким усердием, что продырявил дно.

Дома кипела работа, так что Фан Цзычэнь уговорил сына остаться поиграть у соседей, а сам вернулся один.

Промывка кишок — дело долгое, так что Чжао-гэр еще не освободился. Чжоу-гэр вскоре принес вымытый имбирь, но Цзычэнь был дома один, и гость, не желая давать повода для сплетен, быстро ушел.

Когда рис сварился, Фан Цзычэнь убрал дрова из печи, слил воду и принялся за арахис. Сноровки ему не хватало, действовал он неуклюже, но всё же обжарил зерна до аромата, после чего растолок их в бамбуковой ступке.

Спустя некоторое время вернулся Чжао-гэр. Цзычэнь никогда раньше не делал кровяную колбасу сам, лишь однажды видел процесс со стороны, так что восстанавливал рецепт по памяти.

Когда все ингредиенты были смешаны, они принялись начинять кишки. Трудясь бок о бок, они наконец опустили первую партию в котел. Глядя на результат, Чжао-гэр с сомнением спросил:

— Ты уверен, что это будет вкусно?

Он никогда раньше не видел ничего подобного, и на душе у него было беспокойно.

<http://bllate.org/book/15357/1432690>